

ТАТЬЯНА АВТУХОВИЧ

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach
Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych
Katedra Filologii Rosyjskiej i Komparatystyki
08-110 Siedlce
ul. Konarskiego 2

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА БОРИСА ПАСТЕРНАКА И ИОСИФА БРОДСКОГО: УСЛОВНЫЙ ЭКФРАСИС КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОГО СЮЖЕТА

‘CHRISTMAS STAR’ BY BORIS PASTERNAK AND IOSIF BRODSKY: CONVENTIONAL EKPHRASIS AS THE INTERPRETATION OF A GOSPEL PLOT

В статье рассматриваются интерпретации евангельского сюжета Рождества и поклонения волхвов в условных экфрасисах Б. Пастернака и И. Бродского. Поэты, подчеркивая философский потенциал сюжета, выявили в нем разный личностный смысл, что обусловлено движением времени, изменением исторических контекстов. Акцент на укорененности сюжета Рождества в национальной и мировой культуре у Пастернака сменяется его проблематизацией в стихотворении Бродского.

Ключевые слова: сюжет Рождества, интерпретация, Б. Пастернак, И. Бродский, экфрасис.

The paper examines the interpretation of the gospel plot about Christ's birth and the adoration of the Magi in the poems of Boris Pasternak and Iosif Brodsky. The poets emphasize the philosophical potential of the plot and reveal various personal meanings in it, which is conditioned by the passage of time and the changing historical contexts. While Pasternak focuses on the embedding of the Christmas plot in the national and the world culture, Brodsky problematizes the theme.

Keywords: Christmas plot, interpretation, Boris Pasternak, Iosif Brodsky, ekphrasis.

Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят: где родившийся Царь иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему. [...] Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды. И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце, и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне поклониться Ему. Они, выслушав царя, пошли: и се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались

радостью весьма великою. И, войдя в дом, увидели Младенца с Матерью Его, и, пав, поклонились Ему и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну (Мф 2 1–11).

Сюжет Рождества и поклонения волхвов является одним из самых популярных в мировой культуре, отразившись в бесчисленных картинах, иконах, произведениях словесного искусства. В данной статье мы рассмотрим два стихотворения с одинаковым названием, принадлежащие перу Бориса Пастернака и его младшего современника Иосифа Бродского. Стихотворение Пастернака было написано в 1947 г., стихотворение Бродского в 1987 г. Сорок лет, разделяющие эти произведения, – целая эпоха в жизни не только страны, но и всего мира, что не могло не сказаться на интерпретации в них евангельского сюжета. При этом очевидная инверсированная микроцитата из стихотворения Пастернака («с порога на Деву / Как гостя, смотрела звезда Рождества») у Пастернака → «на лежащего в яслях ребенка издалека, / из глубины Вселенной, с другого ее конца, / звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца» у Бродского), а также позднейший комментарий Бродского в интервью Петру Вайлю по поводу своего и пастернаковского текстов позволяют предположить наличие если не полемики, то по крайней мере диалога Бродского с Пастернаком. Сам Бродский в интервью Вайлю указывал: «В связи с этим – разумеется, бессмысленно вступать в полемику, – у меня даже есть некоторые возражения по поводу того, как Пастернак обращался с этим сюжетом, в частности с Рождественской звездой»¹, обозначив, таким образом, узловую точку диалога с предшественником. Исследователи отмечают наличие интертекстуальных связей стихотворения Бродского и с другими произведениями из цикла *Стихотворения Юрия Живаго*². Дополнительный интерес представляет вопрос об экфрасическом «измерении» этих текстов, которые, не являясь примерами жанра в прямом значении слова, тем не менее, могут быть рассмотрены как случаи так называемого условного экфрасиса.

Сопоставление Пастернака и Бродского в этих контекстах правомерно еще по двум причинам. Во-первых, поэтов сближает сходное отношение к христианству как, прежде всего, явлению мировой культуры. Так, еще в *Охранной грамоте* Пастернак, осмысливая свои впечатления об Италии, писал:

Я понял, что, к примеру, Библия есть не столько книга с твердым текстом, сколько записная тетрадь человечества, и что таково все вековечное. Что оно жизненно не тогда, когда оно обязательно, а когда оно восприимчиво ко всем уподоблениям, которыми на него озираются исходящие века³.

¹ П. Вайль, *Рождество: точка отсчета: интервью с И. Бродским*, [в:] *Иосиф Бродский. Книга интервью*, Москва 2005, с. 602.

² А. Ранчин, «На пиру Мнемозины»: *Интертексты у Бродского*, Москва 2001, с. 76–77.

³ Б. Л. Пастернак, *Охранная грамота*, [в:] *Собрание сочинений: в 5-ти тт.*, Москва 1991, т. 4, с. 208.

С мыслью Пастернака об «осозательном единстве нашей культуры»⁴ перекликается формула Бродского «Рождество: точка отсчета»:

Прежде всего это праздник хронологический, связанный с определенной реальностью, с движением времени. В конце концов, что есть Рождество? День рождения Богочеловека. И человеку не менее естественно его справлять, чем свой собственный. [...] Чем замечательно Рождество? Тем, что здесь мы имеем дело с исчислением жизни – или, по крайней мере, существования – в сознании – индивидуума, одного определенного индивидуума⁵.

Важно отметить, что роман *Доктор Живаго* Пастернак рассматривал как «выражение моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории», подчеркивая, что «атмосфера вещи – мое христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское и толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным»⁶. Бродский тоже подчеркивал нетрадиционность своего христианства, указывая на секуляризованность общества, в котором он вырос, и на чисто интеллектуальный интерес к мировым религиям, выбор между которыми (между индуизмом, с которым он познакомился раньше всего, и иудаизмом и христианством) никогда не имел для него значения выбора вероисповедания или церкви, а прежде всего означал выбор духовного вектора:

[...] встреча с индуизмом сослужила мне великую службу, потому что, когда я мысленно разбирался с иудаизмом или с христианством, я постоянно сознавал и до сих пор сознаю относительную узость этих двух доктрин по сравнению с индуизмом⁷.

Высказывания поэтов дают основание рассматривать их стихотворения не столько как образцы духовной поэзии, сколько как примеры личностной интерпретации культурного архетипа, смысл которой в решении важных для автора метафизических проблем. Слова Игоря Смирнова о том, что «рождественские стихи Бродского – результат очень выборочного подхода к религии, который вычленил из нее отвечающее тому, что принято обозначать как *principium individuationis*», можно отнести и к Пастернаку; оба поэта ценили «в христианстве культ рождения, то есть преклонения перед чудом жизни в ее индивидуальном появлении на свет»⁸.

Во-вторых, смысловая емкость евангельского сюжета («концентрация всего в одном», по определению Бродского) предполагала выбор поэтики. Для поэтики Пастернака и Бродского характерен живописный код: «зрительный

⁴ Там же.

⁵ П. Вайль, *Рождество: точка отсчета...*, с. 598–589.

⁶ Б. Л. Пастернак, *Письмо О. М. Фрейденберг*, [в:] *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 453–454.

⁷ Цит по: Э. Э. Рот, *Я считаю себя кальвинистом: интервью с И. Бродским*, [в:] *Иосиф Бродский. Книга интервью*, Москва 2005, с. 735.

⁸ В. Полухина, *Интервью с Игорем Павловичем Смирновым, июнь 2009*, [в:] *Иосиф Бродский глазами современников*, Санкт-Петербург 2010, с. 73.

подход к миру», предметность, вещьность поэзии, интерес к соотношению и взаимопроникновению пространства и времени, оригинальная «поэтика взгляда» – точка зрения «странствующего наблюдателя» (Максима Дрозда) у Пастернака и стереоскопическое видение мира у Бродского⁹. Огромное влияние оказала на обоих поэтов живопись итальянского Возрождения, прежде всего Беллини и художников его школы, однако эту традицию каждый поэт воспринял по-своему, что также представляет интерес для исследователя.

Стихотворение Пастернака входит в «календарно-литургический», по определению Анны Маймескулов¹⁰, цикл *Стихотворения Юрия Живаго*, который является заключительной главой романа. *Доктор Живаго* – роман широкого эпического дыхания, рассказ о судьбе человека в истории, о поколении, выросшем в атмосфере духовных и интеллектуальных поисков Серебряного века, и одновременно об исторических закономерностях и законах жизни Вселенной. Романский контекст проясняет одну из значимых идей *Рождественской звезды*: проезжая по святочной Москве и возвращаясь мыслями к заказанной ему статье о Блоке,

Юра подумал, что Блок – это явление Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новейшей литературе, под звездным небом современной улицы и вокруг зажженной елки в гостиной нынешнего века. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным словым лесом¹¹.

Комментаторы соотносят эти строки с мыслями Александра Блока о русском Рождестве в его статье *Безвремяе*, в которой поэт писал о том, что этот «самый чистый и светлый праздник [...] был воспоминанием о золотом веке, высшей точкой того чувства, которое теперь уже на исходе, – чувства домашнего очага»¹².

Чувство семьи, дома как основа существования человека в мире, праздник Рождества как эмоциональное выражение идеи единства и целостности бытия пронизывает все стихотворение Пастернака. Поэт создает удивительный пейзаж, в котором приметы русской природы (степь, пруд, верхушки ольхи, гнезда грачей, поле в снегу, погост, оглобля в сугробе, козухи пастухов), усиленные рядом сравнений (звезда «пламенела, как стог [...], как

⁹ См.: Т. Е. Автухович, *Иосиф Бродский и живопись*, «Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы», Серыя 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія 2010, № 3, с. 74–80; Вяч. Вс. Иванов, *Кольхаюцца занавес. Из заметок о Пастернаке и изобразительном искусстве*, [в:] *Мир Пастернака: Каталог выставки*, Москва 1989, с. 55–59; Д. Ди. Симпличо, *Б. Пастернак и живопись*, [в:] *Мир Пастернака: Каталог выставки*, Москва 1989, с. 46–54 и др.

¹⁰ А. Маймескулов, *Цикл Иосифа Бродского «С февраля по апрель»: сотериологический проект*, [в:] «Образ мира, в слове явленный...»: *Сборник в честь 70-летия профессора Ежи Фарыно*, Siedlce 2011, с. 541.

¹¹ Б. Л. Пастернак, *Доктор Живаго*, [в:] *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 82.

¹² А. А. Блок, *Безвремяе*, [в:] *Собрание сочинений: в 6-ти тт.*, Ленинград 1982, т. 4, с. 21.

хутор в огне и пожар на гумне»; «Она возвышалась горячей скирдой / Соломы и сена»¹³), «вписаны» в иное, ближневосточное пространство (верблюды, ослики в сбруе, пещера в скале). Пространство Вселенной предстает обжитым, по-домашнему теплым. Одновременно подчеркивается универсальный, общезначимый и индивидуально-личностный, «присвоенный» каждым народом смысл евангельского сюжета. Родившийся Младенец входит в мир как сияющая точка, назначение которой – согреть и осветить темноту: контраст светящегося луча и темноты пещеры («углубление дупла») подчеркивает эту мысль. Но и мир окружает Младенца теплом:

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола¹⁴, –

что знаменует единство и соприродность Младенца и Жизни. При этом важна оппозиция холодного света Звезды и теплого сияния Младенца – ощущение тепла, исходящего от него, возникает за счет метонимического переноса теплого дыхания животных в пещере на Христа. В то же время Младенцу сопутствует звезда Рождества, которая указывает волхвам путь в Вифлеем: связь со звездой как символом космического порядка указывает на значение рождения Христа как события вселенского масштаба. Эта мысль подчеркивается глубоко символическим изображением рассвета, который приходит на смену хаосу ночи: «Светало. Рассвет, как пылинки золы, / Последние звезды сметал с небосвода»¹⁵. Новая, «неведомая перед тем», звезда восходит на востоке в момент рождения Младенца, означая начало новой эпохи мировой истории. Сокровенный чудесный смысл события Рождества, которое изменит ход истории, привнеся в нее человечность и чудо сказки, неясен волхвам, но очевиден для автора, который подчеркивает провиденциальный характер рождения Христа:

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры.
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.
Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры...
... Все злей и свирепей дул ветер из степи...
Все яблоки, все золотые шары¹⁶.

¹³ Б. Л. Пастернак, *Доктор Живаго*..., с. 530.

¹⁴ Там же, с. 532.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 531.

Блоковские реминисценции подчеркивают значимость христианского завета любви к миру.

Характеризуя стихотворение Пастернака, Бродский так определил его композицию: «У него там центробежная сила действует. Радиус все время расширяется – от центральной фигуры, от Младенца»¹⁷. На наш взгляд, данное утверждение не совсем верно. Действительно, поначалу перспектива пастернаковской *Рождественской звезды* определяется постепенным захватом пространства, который происходит благодаря смене носителя взгляда и фокализации: от маленького вертепа «на склоне холма» (точка зрения безличного повествователя) к полночной дали, в которой открывались «поле в снегу и погост, ограды, надгробья» (точка зрения стоящих на утесе пастухов), после чего в поле зрения попадает «небо над кладбищем, полное звезд» и пламенеющая звезда «по пути в Вифлеем», «среди целой Вселенной», которую видят три звездочета, спешащие «на зов небывалых огней». Кульминацией этого движения становится уже процитированная выше строфа, в которой движение вглубь пространства дополняется стремительным проникновением в будущее новой цивилизации, начало которой знаменует рождение Младенца. Строфа занимает выделенное центральное место в стихотворении, являясь десятой из двадцати строф. Однако после этого фокализация становится центростремительной: фокус видения переходит то к безличному повествователю, который описывает стихийное, но целенаправленное движение людей к вертепу, в котором лежит новорожденный, то к пастухам, которые присоединяются к людскому потоку, чтобы поклониться чуду. Вместе с народом идут и «несколько ангелов в гуще толпы». Перспектива постепенно сужается, кольцевая композиция возвращает повествователя к Марии, глазами которой увидена толпа у входа в пещеру:

Средь серой, как пепел, предутренней мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
Ругались со всадниками пешеходы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы¹⁸.

«Из несметного сброда» Мария выбирает только волхвов, впустив их в пещеру. В последней строфе вновь происходит стремительная смена фокализации: точка зрения повествователя, который видит сияющего Младенца в яслях из дуба, сменяется точкой зрения кого-то, невидимого в темноте, кто «от яслей рукой отодвинул волхва», чтобы последний кадр читатель увидел вместе с ним: «И тот оглянулся: с порога на Деву, / Как гостя, смотрела звезда Рождества»¹⁹. Композиция и смена фокализации, таким образом, имеют пульсирующий характер: постепенное расширение пространства в бесконечность Вселенной →

¹⁷ Цит по: П. Вайль, *Рождество: точка отсчета...*, с. 603.

¹⁸ Б. Л. Пастернак, *Доктор Живаго...*, с. 532.

¹⁹ Там же.

сужение → конвульсивная вспышка завершающего расширения – рождения новой эпохи. При этом взгляд волхва фиксирует взгляд звезды, который устанавливает контакт между Марией и Вселенной, таким образом, центробежное движение в последней строфе совмещается с центростремительным.

В поэтике композиции реализуется гуманистическая мысль Пастернака о единстве человека и Вселенной, микро- и макрокосма, «события мироздания, природы, истории и личности»²⁰. Пастернак остается верен воспринятым в юности идеям философии жизни (Шопенгауэр, Ницше, Бергсон), которые были переосмыслены им через идеи христианства и стали мировоззренческой основой его художественной системы. В пастернаковской интерпретации сюжета Рождества важен, прежде всего, акцент на человеческой сущности родившегося Младенца в финальных строках:

[...] с порога на Деву
Как гостя, смотрела звезда Рождества.

Дева Мария – начало жизни, и ее дитя выступает как единство человеческого и божественного.

Эпический, как и в романе, нарратив в стихотворении Пастернака в то же время глубоко эмоционален. Насыщенная деталями картина выразительна и живописна, подчиняясь генерализующей мысли о значительности самого факта рождения человека. Будучи условным экфрасисом, который представляет собой описание воображаемой автором картины, стихотворение тем не менее типологически сходно с множеством ренессансных полотен, посвященных сюжету поклонения волхвов, в частности, с *Шествием волхвов* Сассетты и гигантской фреской Беноццо Гоццолли в Капелле Волхвов: в основе поэтической и живописной мысли лежит идея торжественной многолюдной процессии, устремленной к новорожденному Христу. Не менее вероятным представляется факт инспирации пастернаковского стихотворения картиной нидерландского художника Яна Юста ван Калькара *Рождество (Святая ночь)*, хранящейся в Изобразительном музее имени А. С. Пушкина в Москве: строка «Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба» соотносится с аналогичным эффектом сияния и тепла, определяющим картину ван Калькара. В то же время следует согласиться со Стефано Гардзонио, который настаивает на том, что

образную структуру стихотворения *Рождественская звезда* следует одновременно определять на основе как изобразительных, так и литературных подтекстов. Его синтетический характер подтверждается полностью – синтетический еще и потому, что оно одновременно сочинение Пастернака и его героя Живаго. В нем «кристаллизующая Италия» является и «кристаллизующей русско-поэтической Италией»²¹.

²⁰ Ю. М. Бреханова, *Творчество Б. П. Пастернака как художественная версия философии жизни*: автореф. канд. филол. наук, Томск 2009, с. 5.

²¹ С. Гардзонио, «*Рождественская звезда*» Бориса Пастернака: поэзия и живопись, «Татьянин день», [Электронный ресурс] <http://www.taday.ru/text/88104.html> [30.03.2015].

Через сорок лет (знаковая, отметим, цифра) Бродский пишет стихотворение под тем же названием, подчеркнуто полемичное (хотя Бродский отрицал момент полемики) по отношению к стихотворению предшественника: эпической повествовательности текста Пастернака он противопоставляет лаконичность; его универсальному (русско-голландско-библейскому) пейзажу – точное описание именно восточного, хотя и не менее универсального в силу абстрагирующего символического характера пространства; многолюдному, густозаселенному полотну Пастернака (весь мир славит рождение Христа) – пустынность; ощущению тепла и дружелюбия пространства по отношению к Младенцу в стихотворении Пастернака – холод и одиночество космического пространства.

Композицию своего произведения Бродский определял как центростремительную: общее движение взгляда – к младенцу. Но главное отличие стихотворения и смысловой фокус кроется (как и у Пастернака) в финальных строках:

Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака,
на лежащего в яслях ребенка издалека,
из глубины Вселенной, с другого ее конца,
звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца²².

Сходное синтагматическое членение последних строк двух строф стихотворения («Он был всего лишь точкой. И точкой была звезда»; «звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца»), подчеркнутое предшествующими анжамбеманами, оказывается особенно выразительным, привлекая внимание читателя к выраженным в них мыслям: две точки – младенец и Отец (Бог) – в огромном пространстве Вселенной оказываются связанными воедино. Миссия младенца – «мир спасти» – поддерживается взглядом Отца, пославшего Его в мир. Рождественская звезда выступает у Бродского не как свидетельство для людей чудесной сущности свершившегося события («как гостя» – у Пастернака), напротив, она устанавливает безмолвный контакт только между двумя участниками события – младенцем и Отцом. При этом контакт носит односторонний (младенец видит только то, что рядом, и все кажется ему огромным: «грудь матери, желтый пар / из воловьих ноздрей, волхвы – Бальтазар, Каспар, / Мельхиор; их подарки, втащенные сюда») и авторитарный характер, о чем свидетельствует сам ритм последней строфы с ее короткими синтагмами, которые сменяют друг друга, внося напряжение в событие, о котором идет речь. Напряжение усиливается и образом бесконечной Вселенной, указанием на открытое пространство космоса («сквозь редкие облака») и характер взгляда – «не мигая». В этом контакте нет добра и сострадания, нет идеи искупления, есть, скорее, идея Суда и подчинения.

²² И. Бродский, *Малое собрание сочинений*, Санкт-Петербург 2012, с. 483.

Символика образа звезды в стихотворении Бродского подчеркнута полемика по отношению к пастернаковской. Как уже было сказано, звезда у Пастернака – добрая гостья, свидетельствующая о Чуде, презентует мистическую в своей основе религиозность поэта. Звезда в стихотворении Бродского представляет о бесконечности вселенной и потерянности человека-«точки» в ней.

Стихотворение получило многочисленные и очень разные интерпретации. Виды Гудонене связывает стихотворение с религиозно-философскими поисками поэта:

Младенец-точка-звезда-Отец могут быть восприняты как Сын-Бог и Бог-Отец; в мир пришел Богомладенец, который «спасет людей от грехов их», т. е. освободит людей от страха, смерти, духовной слепоты и глухоты. [...] Ум человека бессилен это охватить, но должен философски осмыслить единичность Вселенной и человека, Бога-Отца и Бога-Сына (Дитя Звезды)²³.

Напротив, Руслан Измайлов считает, что написанная амфибрахием, монотонным и подчеркнута безэмоциональным размером *Рожественская звезда* Бродского свидетельствует о его безрелигиозности, о той адской пустыне смерти при жизни, в которой очутился поэт, оказавшись в эмиграции:

Образ Отца, смотрящего с другого конца Вселенной, есть образ самого автора, смотрящего... на всё, а в данном конкретном случае, это взгляд на свое стихотворение, которое есть отражение ренессансной картины. А она, в свою очередь, тоже представляет собой «взгляд со стороны», так как ренессансные «открытия» перспективы и ракурса и влекут за собой этот способ видения мира. Отражения отраженного света — вот определение *Рожественской звезды* И. Бродского. Именно поэтому оно лишено напряжения и катарсиса. Нет жажды Бога и радости Его обретения²⁴.

Интервью Бродского помогают понять мысль поэта, выраженную в стихотворении. Так, Вайль, который напомнил своему собеседнику его же слова из эссе *Путешествие в Стамбул* о том, что многобожию и монотеизму соответствуют демократическое и авторитарное мировоззрение и общественное устройство, Бродский ответил, что ему близки идеи кальвинизма, поскольку «согласно кальвинистской доктрине человек отвечает сам перед собой за всё. [...] он сам до известной степени свой Страшный Суд»²⁵. Эта мысль высказана в интервью Элизабет Элам Рот: «[...] если предлагаемое

²³ В. Гудонене, «*Рожественская звезда* в контексте евангельских стихов И. Бродского», [в:] *Славянские чтения I*, Даугавпилс-Резекне 2000, с. 198.

²⁴ Р. Измайлов, «*Библейский текст* в творчестве Бродского: священное время и пространство», «Сибирские огни» 2008, № 5, [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/sib/2008/5/iz13.html> [30.03.2015].

²⁵ П. Вайль, *Рождество: точка отсчета...*, с. 606.

вероучением Высшее Существо способно простить меня за то или за это, то мне такое Высшее Существо неинтересно»²⁶.

Однако мировоззрение Бродского – это мировоззрение не только человека *fin de siècle* и конца христианской эпохи, поставившего под сомнение все ее ценности, но и человека, который в полной мере осознал «онтологическую неуютность» богооставленного мира. Визуальный ряд и центростремительную композицию его *Рождественской звезды*, с одной стороны, можно рассматривать как скрытое отрицание освященной авторитетом двухтысячелетней традиции формы подавления человеческой свободы. В то же время постоянный на протяжении многих лет интерес Бродского к сюжету Рождества и к проблеме истинной природы Христа (как она сформулирована в его стихотворении *Натюрморт*: «Ты Бог или Человек?»), отказ от однозначного ответа на вопрос, является ли он верующим человеком, свидетельствуют о том, что вопрошание о Боге было лишь одним из аспектов той эпистемологической проблемы, которую он так и не смог до конца разрешить. Ибо взгляд Отца в *Рождественской звезде* это еще и опора, удерживающая младенца в огромном, холодном, пугающем своей безграничностью мире.

Подтверждение этой мысли находим в словах финского поэта, переводчика и журналиста Юкки Маллинена, который был знаком и часто встречался с Бродским:

Я думаю, что эмоциональное ядро всех рождественских стихов [...] это та же «Святая земля»: папа, мама, единственный сын, комната/пещера – Ирод гуляет кругом. Это огромный заряд эмоций с детства: страхов, семейной гармонии и покоя; это тоска по гармонии и безопасности. [...] На мой взгляд, его христианство имело «политический» оттенок: он считал, что только христианство, как и высокая культура, может противостоять прирожденному варварству человека [...] Он хотел верить, но ему не доставало религиозного чувства, религиозных переживаний. Верующий человек чувствует все это реально: присутствие святости, трансценденции. А он не мог, как ни старался. Его переживания были эстетическими – от вида соборов, картин²⁷.

Это предположение также находит подтверждение в интервью Вайлю, где Бродский говорит о том, что одной из причин его интереса к сюжету Рождества была психологическая: «комплекс капюшона», стремление обрести надежную защиту. Последующая эволюция Бродского к мужественному самостоянию, признанию отсутствия всяких опор в виде, например, идеи посмертного воздаяния или памяти, тем не менее, оставляла в его сознании, пусть и постоянно оспариваемое, место для Бога.

²⁶ Цит. по: Э. Э. Рот, *Я считаю себя кальвинистом...*, с. 736.

²⁷ В. Полухина, *Интервью с Юккой Маллиненом, октябрь 2009*, [в:] *Иосиф Бродский глазами современников*, Санкт-Петербург 2010, с. 212.

Сосредоточенность Бродского, как, впрочем, и Пастернака на решении именно метафизических проблем исключает, на наш взгляд, попытки увидеть в его стихотворении автобиографический подтекст, на чем настаивает Андрей Ранчин, утверждая, что семантическая игра и инверсия рождественского сюжета отражает ситуацию Бродского и его сына, отдаленных друг от друга столь же непреодолимым земным расстоянием²⁸. Против такого исследовательского произвола свидетельствует и позиция самого Бродского, который видел в навязывании библейскому, в частности евангельскому, сюжету своей собственной драмы «колоссальный элемент дурновкусия», нарциссизма, «когда меньшее интерпретирует большее»²⁹. Подобное сужение смысла, аллегоризация высказывания, добавим, не была свойственна Бродскому.

Столь же окказиональную интерпретацию стихотворения предложил Олег Лекманов, связав его со стихотворением Осипа Мандельштама, известным как *Ода Сталину*:

Стихотворение о вожде и поэте было прочитано Бродским как стихотворение об Отце и Сыне, который, глядя в глаза Отцу, понимает, что он обречен погибнуть, спасая мир³⁰.

В 1987 г. подобная интерпретация удела поэта в мире была неактуальна для Бродского, которого в большей степени в это время волнуют метафизические проблемы.

В контексте метафизической проблематики большой интерес представляет семиотизация графики в стихотворении Бродского: акцентированное написание слова Отец с заглавной, а слова младенец (в качестве синонима используется слово «ребенок») со строчной буквы. Можно согласиться с Наталией Медведевой, которая, комментируя стихотворение *Рождество 1963*, пишет: «Итак, человек – „малыш“, „младенец“, отсюда его тоска по укрытию, безопасности, пренатальному теплу»³¹, апеллируя к психологическому «комплексу капюшона», о котором уже шла речь выше. Однако, думается, у такого написания есть более широкий смысл: противопоставляя «младенца» и «Отца», Бродский выводит евангельский сюжет в план взаимоотношений человека с Богом и тем самым подчеркивает его архетипический для культуры характер.

Условный экфрасис Бродского графичен, упоминание «желтого пара» не противоречит монохромной, в сущности, картине. Как и стихотворение Пастернака, *Рождественскую звезду* Бродского вряд ли можно связать

²⁸ А. Ранчин, *«На пиру Мнемозины»...*, с. 112–113.

²⁹ П. Вайль, *Рождество: точка отсчета...*, с. 600.

³⁰ О. Лекманов, *«Рождественская звезда»: текст и подтекст*, «Новое литературное обозрение» 2000, № 45, [Электронный ресурс] <http://scripts.online.ru/magazine/nlo/n45/sod.htm> [25.03.2015].

³¹ Н. Г. Медведева, *«Муза утраты очертаний»: «Память жанра» и метаморфозы традиции в творчестве И. Бродского и О. Седаковой*, Ижевск 2006, с. 196.

с конкретным живописным претекстом. Более того, можно даже предположить, что в данном случае имеет место экфрасис воображаемой картины, созданной самим поэтом как свободная вариация на тему с использованием ее ключевых образов.

Анализ интерпретаций евангельского сюжета в стихотворениях Пастернака и Бродского показывает, что оба поэта, подчеркивая его культурный и философский потенциал, выявили в нем тот личностный смысл, который обусловлен движением времени, изменением исторических координат. Акцент на глубокой укорененности сюжета Рождества в национальной и мировой культуре у Пастернака сменяется его проблематизацией в стихотворении Бродского.

Библиография

- Автухович Т. Е., *Иосиф Бродский и живопись*, «Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы», Серыя 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія 2010, № 3.
- Блок А. А., *Собрание сочинений: в 6-ти тт.*, Ленинград 1982, т. 4.
- Бродский И., *Малое собрание сочинений*, Санкт-Петербург 2012.
- Брюханова Ю. М., *Творчество Б. П. Пастернака как художественная версия философии жизни*: автореф. канд. филол. наук, Томск 2009.
- Вайль П., *Рождество: точка отсчета: интервью с И. Бродским*, [в:] *Иосиф Бродский. Книга интервью*, Москва 2005.
- Гардзонио С., *«Рождественская звезда» Бориса Пастернака: поэзия и живопись*, «Татьянин день», [Электронный ресурс] <http://www.taday.ru/text/88104.html> [30.03.2015].
- Гудонене В., *«Рождественская звезда» в контексте евангельских стихов И. Бродского*, [в:] *Славянские чтения I*, Даугавпилс-Резекне 2000.
- Иванов Вяч. Вс., *Колыхающийся занавес. Из заметок о Пастернаке и изобразительном искусстве*, [в:] *Мир Пастернака: Каталог выставки*, Москва 1989.
- Измайлов Р., *«Библейский текст» в творчестве Бродского: священное время и пространство*, «Сибирские огни» 2008, № 5, [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/sib/2008/5/iz13.html> [30.03.2015].
- Лекманов О., *«Рождественская звезда»: текст и подтекст*, «Новое литературное обозрение» 2000, № 45.
- Маймескулов А., *Цикл Иосифа Бродского «С февраля по апрель»: сотериологический проект*, [в:] *«Образ мира, в слове явленный...»: Сборник в честь 70-летия профессора Ежи Фарино*, Siedlce 2011.
- Медведева Н. Г., *«Муза утраты очертаний»: «Память жанра» и метаморфозы традиции в творчестве И. Бродского и О. Седаковой*, Ижевск 2006.
- Пастернак Б. Л., *Собрание сочинений: в 5-ти тт.*, Москва 1990.
- Полухина В., *Иосиф Бродский глазами современников*, Санкт-Петербург 2010.
- Ранчин А., *«На пиру Мнемозины»: Интертексты у Бродского*, Москва 2001.
- Рот Э. Э., *Я считаю себя кальвинистом: интервью с И. Бродским*, [в:] *Иосиф Бродский. Книга интервью*, Москва 2005.
- Симпличо Д. Ди., *Б. Пастернак и живопись*, [в:] *Мир Пастернака: Каталог выставки*, Москва 1989.